

Глава 28. Ты, должно быть, шутишь

Бета застыла, ошеломлённая яростным окриком. Она растерянно смотрела на Добби, совершенно не находя слов. Но этот упрямый вид, эти длинные уши, воинственно торчащие прямо сквозь шевелюру, этот резкий тон... и, главное, отчётливая тёмная отметина на кончике уха, напоминающая лепесток цветка. Нет, сомнений не оставалось: в целом свете лишь у её сына была такая метка.

Рисунок на ушке, точь-в-точь пятилистник дикой сливы, она заметила ещё при рождении Добби. Позже, когда кожа сына потемнела до угольной черноты, пятнышко слилось с общим тоном, и Бета попросту забыла о нём. Да и зачем? Ей и в голову не могло прийти, что однажды придётся опознавать собственного ребёнка по столь скрытой примете.

Как же теперь ей хотелось лишиться памяти! Забудь она об этой отметине, то костями бы легла, но ни за что не признала бы в этом невообразимо уродливом существе свою плоть от плоти — сына. Да, раньше Добби не отличался высоким ростом, но среди домашних эльфов слыл завидным, редкой стати красавцем! А теперь? Где его благородные резкие черты? Где благородный угольный оттенок кожи? Всё бесследно исчезло!

Бета мысленно взывала. Ведь они с Бэйдой уже обо всём договорились! Хотели женить Добби на её дочке, работающей на кухне, — первой красавице во всём Хогвартсе, лучшей партии и представить нельзя было! И как теперь смотреть Бэиде в глаза? Сватать за её сокровище вот это недоразумение?

О чувствах самого жениха заботливая матушка, разумеется, даже не задумывалась. В мире домашних эльфов испокон веков царили договорные браки. Когда-то, на заре времён, когда их угасающий род ещё мог беспрепятственно плодиться, старейшины — кучка выживших из ума, скушающих маразматиков — решили развлечься и раз и навсегда расписали союзы для всех будущих поколений. Позже размягчённые вековым рабством умы домашних эльфов безропотно приняли это чудачество как священную традицию. С тех пор никто и не помышлял о свободе выбора.

С одной стороны, родители желали чадам того же счастья, что познали сами. С другой — чего греха таить, — умудрённые годами домашние эльфы питали слабость к чужим делам. Пусть совершеннолетие у них наступало лишь в пятьдесят лет, жили они долго. И пусть внешне они казались хрупкими крохами, детьми они не были — да и как назовёшь ребёнком существо, которое с самого рождения выглядит как сморщенный столетний старик? Так что сватовство для старшего поколения служило прежде всего забавой. Развлечением, и только.

Впрочем, невест и женихов отбирали с умом — всё-таки пристраивали собственных детей, а не чужих подкидышей. Родители дотошно изучали характер и привычки будущих родственников. Бета потратила прорву сил, чтобы сойтись с Бэйдой, а теперь...

— Добби, сынок, ты точно-точно не знаешь, что стряслось? — с затаённой надеждой спросила Бета, преданно заглядывая сыну в глаза.

Она отчаянно молила провидение, чтобы этот ужас оказался временным. Пусть бы он снова стал прежним — статным, чернявым красавцем, а не этим недоразумением!

Добби едва сдерживал искушение применить Освежающее заклятие и смыть назойливую родительницу прочь вместе с её кислым выражением лица. Невыносимая женщина! Ей действительно больше не о чем спросить?

В сердцах он схватил наглую барскую ладонь, которая беззастенчиво тискала его за бока, и с силой впился в неё зубами. Проигнорировав жалобный писк укушенного, Добби со всей выразительностью закатил глаза, обращаясь к матери:

— Сказал же: понятия не имею! Я сам не понимаю, с какого перепугу так изменился. И вообще, это я должен тебя расспрашивать, а не ты меня, дражайшая матушка! Может, соблаговолишь объяснить, какого чёрта я превратился в... вот в это?

Да, в новом теле Добби чувствовал себя непривычно, но оно хотя бы отдалённо напоминало человеческое. И пускай этот андрогинный облик казался ему излишне деликатным, возвращаться к прежнему уродству он не желал ни за какие коврижки. Из двух зол смазливая внешность была куда предпочтительнее. Вот только...

Добби наотмашь шлёпнул Люциуса по пальцам, призывая того к порядку. Эта девичья смазливость ставила под угрозу его невинность! Неужели этот семилетний малец уже успел перенять порочные замашки благородного сословия?

«Я домашний эльф, ладно, с этим я смирился. Но я не собираюсь якшаться с мужчинами! Ни за что на свете!» — бушевал он про себя. Ему нужна была нормальная жена — мягкая, пахнущая цветами девочка, а не парень! И плевать, насколько этот парень будет красив и богат, — увольте!

Бета обиженно отвернулась. Перечить хозяину она не смела — всё же он господин, да и по человеческим меркам Абраксас считался писанным красавцем. Ей оставалось лишь молча вздыхать и смиренно кивать, хотя человеческие каноны красоты она искренне презирала. Но перед ней стоял не лорд Малфой и даже не юный наследник, а собственный сын! Ладно бы он оставался прежним, ладным да пригожим, но теперь, когда его лицо превратилось в сущий кошмар, Бета не собиралась насиловать свой эстетический вкус.

— Не знаю я ничего! — буркнула она. — Знала бы — давно вернула бы всё как было. Сынок, ты даже не представляешь, до чего ты сейчас безобразен. Дочка Бэйды теперь на тебя и не взглянет. Мало того что ты уродом стал, так ещё и юному господину дерзишь. Как ты жениться-то думаешь, когда вырастешь? Был бы просто невзрачным — полбеда, пристроили бы тебя к какому-нибудь домашнему элфу, мужики на внешность не больно-то смотрят. Но ты ведь превзошёл все мыслимые границы уродства! Тебя теперь даже мужчина не возьмёт!

Бета сокрушённо вздохнула. Неужели ей придётся нянчить этого увальня до конца его дней? А ведь она так мечтала о внуках именно от Добби! От остальных её сыновей красивого потомства

точно ждать не приходилось.

От подобных речей Добби чуть не лопнул от злости. Его спасло лишь то, что обновлённое тело сейчас всю перестраивалось, разгоняя по жилам здоровую, чистую кровь. Решив побереечь нервы, он просто промолчал. Да будь он хоть трижды прежним «красавцем», он бы ни за что не связал жизнь с домашней эльфийкой, а уж тем более с домашним эльфом! У него, чёрт возьми, имелось чувство собственного достоинства и изысканный вкус!

Тем временем Люциус продолжал самым бессовестным образом тискать Добби. Разумеется, исключительно из лучших побуждений! Кожа новоявленного домашнего эльфа оказалась невероятно нежной и шелковистой на ощупь, так что юный наследник Малфоев просто не мог удержаться. Чисто тактильное удовольствие, никакой задней мысли! Честное слово.

— Послушай, Бета, — подал голос Люциус, пытаясь разрядить обстановку. — Раз уж ты не понимаешь, в чём дело, давай дождёмся возвращения моего отца и расспросим его. А сейчас есть дела поважнее. Я безумно проголодался, принеси чего-нибудь перекусить.

Юный лорд мысленно вздохнул. Тяжела хозяйская доля! Мало того что приходится улаживать семейные дразги слуг, так ещё и приходится изображать капризного ребёнка, лишь бы они не поубивали друг друга. Какая самоотверженность!

Бета лишь обречённо вздохнула и покинула комнату, так ни разу и не взглянув на сына. Спустя пару минут она вернулась с целым подносом всевозможных яств и уже собиралась тихонько выскользнуть за дверь, когда Люциус окликнул её.

— Бета, отмени все мои сегодняшние занятия. Пока отец не вернётся, я буду здесь. Как только он прибудет, сразу доложи мне. И я хочу, чтобы во время нашего дневного разговора ты тоже присутствовала. Ах да, не забудь вовремя подать обед и полдник.

Дождавшись покорного кивка, Люциус небрежным жестом отпустил домашнюю эльфийку.

Уставший и изголодавшийся за утро, он поудобнее перехватил Добби и принялся за еду. Как ни крути, а спать несколько часов в обнимку с кем-то — занятие весьма утомительное, да и причитания Беты изрядно утомили. Люциус ласково взглянул на домашнего эльфа, который аккуратно отправлял в рот кусочки пирога. Круглые, пухлые щёчки Добби забавно раздувались при каждой жевке, огромные глаза удивлённо поблёскивали, а крошечный носик то и дело забавно морщился. И если Бета искренне считала этого кроху уродом, то у Люциуса явно были другие представления о красоте.

Во второй половине дня, когда Абракас Малфой вернулся в поместье, на пороге его встретила личная домашняя эльфийка с чрезвычайно недовольной миной. Бета была гораздо старше своего хозяина и отличалась на редкость строптивым, независимым характером. Абракас

никогда не относился к ней как к безликой служанке — впрочем, попытайся он это сделать, Бета попросту проигнорировала бы его с самым невозмутимым видом.

Лорд Малфой прищурился, окинув взглядом насупившуюся Бету, суетящихся вокруг слуг и залитый знойным солнцем двор. Жизнь казалась прекрасной. Абраксас улыбнулся своей фирменной, до невозможности эффектной улыбкой.

— Моя дорогая Бета, и кто же посмел расстроить тебя? — насмешливо поинтересовался он.

Ещё бы ему не радоваться! Вырвавшись наконец из лап одного безумного тёмного лорда и покинув то проклятое место, Абраксас готов был любить весь мир. Сейчас любое событие казалось ему верхом совершенства.

Бета промолчала, лишь сделала знак следовать за ней. Стоило ей вспомнить, в какого монстра превратился её ненаглядный первенец, как сердце болезненно сжималось. Прощайте, милые внуки! Прощай, писаная красавица-невестка! Да что там невестка — с такой рожей Добби теперь и в зятя никто не возьмёт!

Не удостоившись ответа, Абраксас лишь легкомысленно пожал плечами и пошёл следом. Когда они спустились в подземелья, к тренировочному залу, где обычно занимался Люциус, старший Малфой удивлённо приподнял бровь:

— Бета, зачем мы здесь? И где мой сын?

Убитая горем Бета обернулась и одарила хозяина таким скорбным, полным упрёка взглядом, что тот невольно отшатнулся.

— Юный господин ждёт вас внутри, — упавшим голосом произнесла она.

«Знала ведь, знала, что нельзя отдавать Добби в личные домашние эльфы наследника! — сокрушалась она про себя. — И вот, пожалуйста, накликали беду! За что мне всё это?»

Натолкнувшись на этот убийственный взор, Абраксас благоразумно прикусил язык. Вообще, домашние эльфы частенько утомляли волшебников своими причудами, но сами волшебники страдали от этого соседства не меньше — особенно Малфои, чьё самолюбие и нарциссизм давно вошли в поговорку. Так что эта немая сцена заставила главу семейства изрядно напрячься.

Бета скорбно вздохнула и толкнула тяжёлую дверь. Проведя лорда Малфоя вглубь комнаты, она остановилась.

Перед ними предстала живописная картина: её несчастный, утративший всякую привлекательность сын лежал в объятиях юного господина, заменяя тому диванную подушку.

— Юный господин, ваш отец вернулся, — бесцветным голосом доложила Бета и отошла к стене, являя собой памятник вселенской скорби.

Абраксас в недоумении уставился на сына.

— Люциус, мальчик мой, не соблаговолишь ли объяснить отцу, что здесь происходит? Разумеется, я вовсе не против того, чтобы ты так рано определился со своими предпочтениями, кровь Малфоев всегда требовала лучшего... Но не кажется ли тебе, что твой избранник слегка... юн?

«Вкус у парня отменный, черты лица сулят редкую красоту, — мысленно оценил старший Малфой. — Но если это чудо ещё из пелёнок не выросло, то дело принимает странный оборот. Неужели у моего сына столь специфические наклонности?»

Люциус страдальчески закатил глаза. Теперь ему стало предельно ясно, от кого Бета набралась привычки нести околесицу в самые неподходящие моменты. Всё шло от этого невыносимого, напрашивающегося на хорошую взбучку папаша! Каков хозяин, таков и слуга.

— Отец, избавь меня от своих фантазий, — недовольно буркнул мальчик. — Это Добби.

Абраксас опешил. Смерив младенца в руках сына долгим взглядом своих фамильных серо-голубых глаз, он демонстративно почесал мизинцем в ухе.

— Что, прости?

«Неужели этот безумный красноглазый маньяк окончательно довёл меня до слуховых галлюцинаций? — пронеслось в голове лорда Малфоя. — Иначе с чего бы моему наследнику нести подобную чушь?»

Люциус вздохнул, покрепче прижимая к себе малыша. Мда, новая внешность Добби действительно ломала любые шаблоны, раз уж выдавший виды отец лишился своего хвалёного аристократического самообладания.

— Я говорю, что это мягкое, нежное, пахнущее лавандой чудо у меня на руках — мой врождённый личный домашний эльф Добби! Теперь-то до твоего царственного, но, кажется, слегка поражённого склерозом разума дошло, дорогой отец?

—... Ты, должно быть, шутишь, — ледяным тоном, не терпящим возражений, произнёс Абраксас, пристально глядя на сына.